

Лалла Рук -1: Пророк из Хорасана

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 25 января, 2025

Лалла Рук -1: Пророк из Хорасана ЛАЛЛА РУК

(восточное повествование)

Сэру Сэмьюэлю Роджерсу, эсквайру в знак благодарной и нежной дружбы посвящается эта книга.

ГЛАВА 1. ПРОРОК ИЗ ХОРАСАНА

I

Здесь день извечно брал своё начало,
Здесь Солнце восходящее встречала
Жемчужина Востока — Хорасан,*
Где дети солнца — все цветы и фрукты,
Как яркие халаты персиян,
Цвели. У стен дворца халифа будто,
Журчащий, звонкий, буйный караван,
Петлял Мургаб, чистейший из ручьёв,
Как пилигрим, не ведая оков.

II

Здесь восседал на троне самозванно,
Сокрывшись в покрывале белотканном,
Пророк Моканна. Пламенным углём
Пылал мертвящий взор — исчадье ада,
Немилосердным, дьявольским огнём,
Но лик Моканны был сокрыт от взгляда
Ненастной ночью и погожим днём.
Лишь голос зычный из-под покрывал,
Пророча бурю, ветер поседал:

III

«В глазах Мусы* неясный свет плескался,
Когда он с гор стремительно спускался,
Всевышний сей поход благословил,
И вокруг него, с горящими очами,
Исполненные храбрости и сил,
Сверкая обнажёнными мечами,
Шли воины, чей фанатичный пыл
Был верою слепой в грядущий свет
И волею Всевышнего согрет.

IV

Путь нашей Веры – это не молитвы,
Его укажет меч на поле битвы.
Того, кто мог пожертвовать собой,
Как милость смерть свою благословляя,
Того Пророк повёл в смертельный бой,
Под Белым Знаменем объединяя,
В непримиримой ненависти, той,
Которую взрастил (и сам не рад)
Под Черным Стягом мрачный халифат!

V

Восстав с колен, сорвав петлю удушья,
Своё искусное, смертельное оружие
Они несли карающей рукой,
Лавиной света и освобожденья,
Единой пробуждающей волной,
Бурлившей в млечно-белом опереньи,
Над каждой непокорной головой.
Пришли, как освежающий нектар,
Цветущих снежным облаком чинар!»

* * *

VI

Порфир колонн крутых стремился выше
Гарема галерей к роскошной крыше,
И меж колонн – осенняя гроза –
Тяжёлых штор прикрывшись облаками,
Сверкали, словно молнии, глаза...
Пускай святоши чешут языками,
Что им всего милее Небеса,
Мол, в свете этих глаз сокрыт порок...
Всё это – ложь! Нам завещал Пророк

VII

Любовь, дарованную Небесами,
С раскосыми и круглыми глазами,
С любым оттенком кожи и волос.
В любви живём – родясь и погибая,
В ней подвига и подлости вопрос,
Лишь в ней одной венец блаженства Рая,
Лишь в ней шипы и прелесть райских роз!
Испить небесной радости глоток
В любви земной нам завещал Пророк!

VIII

Прекрасны девы все под небосклоном,
От тех, кто гейзер Брахмы чтит поклоном,
До нимф прохлады в Йеменских горах.
И глаз китайских, узких непокорность,
И глаз персидских суеверный страх,
Цветов Кавказа бросакая нескромность,
Златые кудри в северных лесах...
В любой земле, везде, и там и здесь,
Растут цветы, достойные Небес!

IX

И женский взгляд лишь добавлял движенья
Толпе мужчин в военном облачении,
Тюрбаны всех племён и всех цветов

Склонились перед знаменем Моканны,
Так гнёт дыханье западных ветров
На клумбах разноцветные тюльпаны.
А скрытый взгляд, таинственный, как зов,
Сквозь мрак и свет, донёсшийся до нас,
Предвосхитил Моканны звёздный час.

X

Нет ничего таинственней и выше,
Чем слепота, которой Вера дышит.
Вот юный воин голову склонил
В бухарской шапке траурного цвета,
Покорен и свиреп, и полон сил,
Как пламенная, дикая планета
Войны. Как он в себе соединил (?!)
Всё, что желал в нём видеть лже-пророк,
Он юн, отважен, верен и жесток!

XI

Свободы зов звучал неистребимо
В душе мятежной юного Азима.
В бою пленённый, много лет рабом
Топтал он славной Греции равнины,
Где всё напоминает нам о том,
Что дух свободы, девственный, звериный,
В цепях лишь крепнет, он, как снежный ком,
Летит с вершин и нет таких оков,
Чтоб укротить свободы вечный зов.

XII

Он, гордый сын свободного народа,
Рабом стал там, где родилась Свобода,
В цветах садов и камне городов
Он чуял сладкое её дыханье,
Печать её божественных следов,
«Свобода!»- он твердил, как заклинанье,

И не было на свете слаще слов...
Вот прОбил час, на родине Азим,
Но думой прежней снова он томим.

XIII

Пройдя неволи миллион терзаний,
Был полон он надежд и ожиданий,
Но горизонта близкого обман
Так очевиден. Лишь в воображеньи
Уносит воды в небо океан,
Вот так же вечен путь освобожденья
Всех угнетённых – городов и стран,
Ох, как неблизок этот тяжкий путь...
Но гениально выделяя суть,

XIV

Моканны формула легла на знамя,
Как свист меча, короткими словами:
«Свобода миру!» – ах, как хороша,
Как справедлива эта «формула Моканны»,
И меч Азима, тело и душа,
Ещё не залечив неволи раны,
Рвались на бой, возмездием дыша,
Мечтая мир увидеть без оков,
Отныне, присно и во век веков.

XV

Так искренне слепая вера прежде
Не доверяла призрачной надежде,
Так душу никогда не вдохновлял
Ничей призыв. Но голос лже-пророка,
Чуть приглушенный сенью покрывал,
Вернуть свободу всем рабам Востока
Его, Азима, он благословлял.
«Свобода миру!» – лозунг, словно стон
Всех тех, кто в этом мире угнетен.

XVI

Стоял Азим коленопреклонённый,
Затерянный в толпе разноплемённой,
Колена — в землю и в колена — лбы,
Все, как один, дыша священной пылью,
Пылинки средь бесчисленной толпы,
У ног Моканны преданно застыли.
«Алла!» — пароль надежды, клич борьбы,
Вздох твари угнетённой, пополам
С призывом к битве нёсся к небесам.

XVII

Моканна перст поднял над головою
И в тишине, нависшей над землею
Он молвил:» Я свидетельствую вам,
Что тело смертно, но душа — нетленна,
Сей факел жизни ходит по рукам
И не померкнет в суете Вселенной.
Так, в новом теле — да светится храм,
Огнём, который Ангелы зажгли,
Подняв его из мрачных недр земли.

XVIII

Сквозь тьму веков к сиянию Ислама
Стремился дух божественный Адама,
И перед ним склонились Небеса,
Один лишь Эблис* гордо отказался,
Но дух святой, как вешняя гроза,
Как молния, к сердцам пророков мчался,
Мусы — посланца Господа, глаза
Зажгли в иных сердцах священный свет,
Их имена — Иса и Магомет!*

XIX

Великий Дух, во времени петляя,

То пламенно горя, то исчезая,
По лабиринту тел, умов, сердец
Спешил явить себя во всем величьи,
Как гейзер, обретая, наконец,
Достойное характера обличье –
Своих скитаний истинный венец.
Сквозь тьму он в очистительном огне
Могущество своё доверил мне!»

XX

Восторженно оружием сотрясая,
Толпа, тысячекратно повторяя:
«Свобода миру!» – яростный призыв,
Глядела зачарованно на знамя,
А ветра налетевшего порыв,
Размахивал роскошными шарфами,
Которыми, чуть шторы приоткрыв,
Незрим, лукав и грациозно нем,
Сердца отвагой наполнял гарем.

XXI

«Да, истине служение святое
Возможно только в мире и покое,
Но истина обязана восстать,
Покончить с человечества тюрьмой
И тяжкие оковы растоптать!
Покой и мир себе на поле боя
Нам предначертано завоевать,
К ногам Раба низвергнуть, наконец,
Тирана трон и славу, и венец!

XXII

Лишь истина могущественным вздохом,
Возмездия немилосердным роком
Сотрёт с лица земли позорный грех
Насилья над свободой, чтоб выиграла

Всемирная весна, очистив всех,
И ваш пророк отбросит покрывало,
В глазах его блеснёт счастливый смех,
И будет благоденствовать Восток,
И счастлив будет с вами ваш пророк!

XXIII

Я вижу ваше юное горенье,
Решимость и младое нетерпенье,
О, юный воин, внемли и учись,
В устах пророка истина – оружие,
Она – и щит, и меч. Вооружись!
Отбросив рассуждения досужьи,
Познать её, однако, торопись,
Я, как и все, не вечен под Луной
И, уходя, возьму её с собой...»

XXIV

Так речь текла, торжественно и строго,
Глубокий голос, словно голос Бога,
Искал и находил в сердцах ответ.
И белое доспехов оперенье
Сияло, как священный амулет.
Моканны трон – был символ единенья,
И звал на бой тот чудотворный свет,
Что молнией сверкал из-под бровей
С высот гарема пышных галерей.

* * *

XXV

В созвездии прелестных нимф гарема
Лишь та была задумчива и нЕма,
Что пряталась за спинами подруг,
Узрев Азима у подножья трона.
Она – бледна. И, выдав свой испуг,

Не удержала рвущегося стона,
Как-будто праздник превратился вдруг
Из шествия ликующих колонн
В процессию печальных похорон...

XXVI

Ах, вспомни, ЗеликА, в девИчьем сердце
Лишь для него распахнутую дверцу.
Азима видеть, слышать и дышать
Тех встреч неповторимым ароматом
Желала, как молитву отправлять,
Без устали, с рассвета до заката,
Была готова Небо заклинать,
Благословляя тот священный час,
Когда судьба соединила вас!

XXVII

Он принимал, как высшую награду,
Сияние божественного взгляда,
Твой голос, как мелодию в тиши,
Твой лик, как зеркало очарованья,
Ты – эхо сердца, песнь его души,
Он нёс её сквозь годы расставанья...
И вот, вернулся. Что же ты? Спеша
Лучей души его испить любя,
Но нет. Лучи его – не для тебя...

XXVII

Как в страшном сне – грозящее знаменье,
Несбывшегося счастья дуновение,
Нежданный гость из мира мертвых грёз,
Печальную улыбку подавляя,
Упрёка слов тебе он не принёс,
Взял за руку, с собою увлекая,
На берег юности, в прибрежный плёс,
В разрушенной любви забытый храм,

По счастья полустёршимся следам.

XXVIII

И по сей день о счастье этой пары
В бухарских рощах шепчутся чинары.
Любовь их родилась близ берегов
Красы и гордости роскошного Востока,
Рубинами бухарских рудников
Блиставшего, великого потока,
Могуществом памирских ледников
Поить он день и ночь не уставал
Двух исполинов – Каспий и Арал.*

XXIX

Брега его усыпаны цветами,
Которые, склоняясь над волнами,
Кокетливо в них погружали взгляд
И, девственным любясь отраженьем,
Дарили водам дивный аромат.
Текли вода и время. Их течение
Никто не в силах повернуть назад.
Нарушив времени привычный ход,
Пришла война. Жестокость, кровь, поход...

XXX

Вдали от нежных глаз своей любимой
Томилось сердце юного Азима,
И вместо них в лесах Фракийских гор,
В шатре солдатском перед страшным боем,
Его походный согревал костёр.
Одна судьба грозила им обоим –
Неволи унижительный позор,
Ему – плантаций каторжный ярем,
А ей – блестящий роскошью гарем.

XXXI

Два года горьких, тяжких ожиданий,
Пустых надежд и разочарований
Девичье солнце повернули вспять,
Душа во вдовьем колпаке поникла,
А злой язык не уставал шептать:
«Азим погиб, ужасная постигла
Его судьба. Вам вместе не бывать!»
Как сей язык навязчив был и точен...
Подобен капле. Той, что камень точит.

XXXII

Сто тысяч зол – все навалились сразу,
Затмили сердце, душу, взгляд и разум,
В печальной лютни прерванный аккорд
Вцепилось искалеченное эхо,
Не жизнь, не смерть – жестокий приговор
Жестокого, бесчувственного века.
Роскошный, но холодный натюрморт –
В цветущем теле – мёртвая душа,
Безжизненна, но... Ах! Как хороша!

XXXIII

Её улыбка царственна, но дика,
Бесцветен голос, красота – безлика,
Печален песен страждущий надрыв,
Исчезли ноты соловьиных трелей,
Пропал любовный, чувственный порыв.
Иные ноты в голосе звенели,
Мелодию в рыданье превратив.
Луч памяти хранил безумный взгляд,
Но ужас в нём – сильнее во сто крат!

XXXIV

За что судьба её так покарала?
Но это было только лишь начало
Той миссии, что ей готовил рок –

Возврат любви утраченных мгновений.
Моканна – новоявленный пророк,
Простёр над ней свой злой, порочный Гений,
Ослабший ум противиться не мог,
Моканна был в коварстве искушен,
Сам Сатана в сравненьи с ним – смешон!

XXXV

Он вторгся в душу к ней легко и быстро,
Так, ветром подстрекаемая искра,
Сухой, осенний выцветший ковер
Опавших листьев жадно пожирает,
Он обратил её потухший взор
На рай земной, который возвращает
Её печальной лютне весь мажор
Былых романсов, песен и баллад.
Но это был не рай, а сущий ад!

XXXVI

Кто мог спасти её от сей напасти,
От гнёта этой безраздельной власти?
В колонии прелестных, юных дев,
Чьи чистые и девственные души,
В искусстве искушенья преуспев,
Он грубо и безжалостно разрушил,
Прекрасных форм, однако, не задев.
Но в сердце Зелики остался след,
Хранивший ясный свет минувших лет.

XXXVII

Как солнца луч, за горизонтом тАя,
На грани тьмы горит, не угасая,
Так за чертой её сковавшей тьмы,
Спасительной надежды амулеты –
Курились благовонные дымы,
Дыханием любви её согреты,

Угнетены, бессильны и немЫ,
Они лишь помогали ей хранить
Любви и веры чуть живую нить.

XXXVIII

Лишь с этой вечной, животворной нитью
Не совладал коварный искунитель,
Но бред её потерянной души
Подпаивал Моканна страшным зельем –
Отравой роскоши и ядом лжи,
Огнём греха, безумием веселья...
Любые средства были хороши
Тому, в ком необузданную страсть
Воспламенить способна только Власть!

XXXIX

Она – и цель, и средство, и награда,
Ввергала душу в мрачный пламень ада,
Все демоны, послушные ему,
То мраком бездны, то шальным экстазом
Ей сердце заполняли и во тьму
Безумства погружали раз за разом
Всё глубже. И заблудшему уму,
Сиянья сумасшествия полна,
Светила лишь безумная Луна!

* * *

XL

Дыханье музыки переплеталось
С мелодией стихов, и ей казалось,
Что этот вечер в небе очертил
Ей Богом уготованную сферу,
Где в грусти неприкаянно бродил
Азима дух – её любовь и вера,
Как аромат полей ночных светил

Печален. Бледен, чист и одинок,
Как из букета павший лепесток.

ХLI

Благословен он вечною невестой!
Но из блаженства сказочной фиесты
Её лукавый демон торопил
На пир теней, сиявших мраком ада
Бал мертвецов, восставших из могил,
Для страшного, жестокого обряда,
Где каждый жадно жажду утолил
Огромным и мучительным глотком
Из чаши, полной абсолютным Злом!

ХLII

И Зло, тотчас, взял0сь за злую жатву,
Из душ невинных вырывая клятву,
На дьявольском, невнятном языке.
И никогда, покуда не остынет
Зов пламени в небесном маяке,
Оно с души проклятия не снимет,
Зажав её в костлявом кулаке.
Она сдалась. Лишь выдохнула:»Да-а-а...»
А эхо подхватило:»Никогда-а-а...»

ХLIII

Как-будто крылья взмыли за спиною,
Оплаченные страшною ценою,
Воспламенились тело, сердце, страсть,
И, признавая Жрицу новой Веры,
Пал ниц гарем, безмолвно подчинясь.
В глазах её – не от небесной сферы,
От Дьявола клеймом звезда зажглась,
Дав знак Моканне – он непобедим,
Весь мир склонит колена перед ним!

XLIV

Как мАнит взгляд обманчивая неґа
Танцующего, нежного побега,
С которого, испуганно вспорхнув,
Слетает прочь встревоженная птица,
Так и манок её роскошных губ
Бездушною улыбкою светИтся,
Румянца плеск так ярост, дик и груб,
Как метеоров пламенный полёт,
Терзающих весенний небосвод.

XLV

О! Дьявольской звезды очарованье!
Кто тот мудрец, которому страданья
Её призывный блеск не принесёт?
О! Падший Ангел, молнии подобный,
Чей дивный, необузданный полёт,
Лишь к диким разрушениям способный,
Страшит, но в то же время, и влечёт,
В безумном упоении спеши
Сплясать в руинах собственной души!

XLVI

Так изменили дьявольские чары
Ту, чью любовь бухарские чинары
Не так давно приливами теней
И шелестом листвы благословляли,
Но глас с Небес, вдруг, прогремел над ней,
В короткой вспышке памяти всплывали
Черты любимого. И не было страшней
И радостней судьбы, чем встреча с ним.
О! Боги... Жив! Он здесь, её Азим!

XLVII

Она, как статуя, окаменела,

Не двигаясь и не дыша, глядела
Сквозь горьких слёз дрожащий занавес –
В толпе, сияя чистотой Эдема,
В руке сжимая сабельный эфес,
У ног Моканны преклонил колена,
Неведомым путём сойдя с Небес,
Могуч, прекрасен, цел и невредим,
Её любимый, преданный Азим!

XLVIII

И это горестное созерцанье
Будило разум, словно заклинанье.
Осколки разума слились в поток,
Но он во тьме безумия терялся,
Он бился о невидимый порог,
И вдребезги бессильно рассыпался,
Цепей проклятья разорвать не мог.
Так с крепостной стены в глубокий ров
Летят тела штурмующих бойцов.

XLIX.

И бой, уже начавшись, продолжался,
Свет разума то мерк, то возвращался,
Достаточно, чтоб слабо освещать
Тот лабиринт, в котором заблудилась,
Но где же выход? Нет, не отыскать...
Как-будто над волной звезда светилась,
Но не могла в тумане указать
Спасенья гавань, где от страшных снов
Избавит бой божественных часов.

L

Да, зла не одолеть в одно мгновенье.
Так было глубоко её паденье,
И так сильна проклятия печать...
А рабское ярмо её душило.

Всплеск разума не в силах разорвать
Таких оков. И эта злая сила
Влекла во тьму безумия опять.
Цена свободы каждого раба –
Смертельная и долгая борьба.

LI

Одно лишь доставляло облегчение –
Горячих слёз шальное наводнение,
Которое ей этот день принёс.
Растаяв, сердце согревало душу,
И предвещало буйство близких гроз,
Росой Небес безжизненную сушу
Способных напоить. То талых слёз
Ручьи, звеня, вперёд за шагом шаг,
Текли, тесня сковавший душу мрак.

* * *

LII

На склоне дня, в тиши уединенья
Моканна совершал своё моление,
Вечерний непреложный ритуал,
Который неизменно разделяла
Одна из нимф. Её он призывал
В прохладный сад на берегу канала,
И, теша спесь, надменно проверял
На ней всю силу сатанинских чар,
Свой чёрный, страшный, смертоносный дар.

LIII

Он власть греха на их смиренных лицах
Читал. И лишь в глазах любимой Жрицы
Он искру непокорности узрел.
Но не было тревоги и сомненья,
Он знал – золотая цепь – её удел,

А робкого протеста проявление
Он изощрённо подавлять умел,
Любуясь, как бессильное Добро
Покорно сносит адское тавро!

LIV

Его триумф – злодейская потеха.
Хотя смертельной, страшной клятвы эхо
В ночи греха ещё не улеглось,
Надежду дева, всё-таки, хранила
На судный день, когда б ей довелось
Пройти сквозь адова огня горнило,
Что бы к небесным сферам вознеслось
Дыхание очищенной души,
Как дым сандала, вьющийся в тиши.

LV

Азима нежность вновь её коснётся,
И свет любви не небесах проснётся,
И вновь она – безгрешна и чиста,
Покорна будет только нежной страсти...
Безумна и несбыточна мечта!
А сколько в ней блаженства, сколько сласти!
Но страх, покорность, кротость, немота...
Их ей надменный, страшный взгляд внушал,
Пронзая саван белых покрывал.

LVI

Был этот взгляд подобием тарана,
Как айсберг в бурных водах океана,
Одним толчком из мира сладких снов,
Из тёплой лени ласковой постели
Бросающий уснувших моряков
В холодный мрак ночной морской купели,
Во власть смертельных ледяных оков,
Чтоб образ, в грёзах посетивший их,

В волнах, как крик о помощи, затих.

LVII

Вокруг шатра, над тихой водою,
Сгущался мрак. Поникнув головою,
Шла Зелика, задумчива, грустна,
Послушная призыву лже-пророка,
Подавлена, печальна и бледна,
На пламенное детище порока
Так не похожа, словно не она
Ещё вчера была так горяча,
Дика, быстра, как лезвие меча.

LVIII

Моканна, словно в трансе, как в тумане
Полулежал на шёлковом диване,
Сияние мерцающих лампад
Холодным отблеском напоминало,
Святую Мекку, сень её аркад,
Но дьявольски сверкало покрывало,
Оно, как-будто, излучало взгляд,
Сокрытый в нем, но неприкрыто-злой,
Как уголь, чуть припудренный золой.

LIX

Кому молился в этот час Моканна?
В руках его – ни чётки, ни Корана...
Пред ним искрились радужным огнём,
Тая соблазн для алчущего глаза,
Кувшины с искусительным вином,*
Из лучших виноградников Ширази.
И он, глоток смакуя за глотком,
Как-будто грезил – с каплею вина
Грядёт ему земземская весна!

LX

Он был в мечтах. О чём? Какие мысли
Сейчас его жестокий разум грызли?
Он так помпезный предвкушал успех,
Что девы не заметил появления.
Его звериный, сатанинский смех,
Как взрыв, потряс покой уединенья.
Надменный Эблис, чуя смертный грех,
Так мрачно и злорадно хохотал,
Когда в гиенну души низвергал!

LXI

И он исторг зловещую тираду:
«Презренный Человек! Игрушка ада!
Такой удел готов для всей Земли,
Дерзавшей родниться с Небесами,
Здесь даже образ Бога не смогли
Создать. Нет Бога даже в Божьем храме! *
Пред кем индус валяется в пыли?
Презренный фетиш! Глиняный примат! *
О! Люцифер. * Ужель ты виноват,

LXII

Что преклонить колена отказался
И без огня Небесного остался?
Но скоро уж отмщение грядёт,
Как кара назиданья и примера,
И кровью опьянённая взойдёт
Звезда, венчая эру Люцифера!
Моих свирепых соколов полёт
Расчистит путь, где мне быть палачом,
А Человеку – Жертвой и Мечом.

LXIII

О, ты, хитрец, во тьме ни зги не зрящий,
Свой путь мирской наощупь проходящий,
Как осторожный, суеверный вор,

В ночи ведомый светом мертвечины*
Ты будешь знатен, мудр, богат и горд,
Но полагать есть веские причины,
Достоинств сих сомнительный набор
Я обману. Не блеском звёздных сфер,
А жезлом, что вручил мне Люцифер!

LXIV

Жезл – безделушка, кость и позолота,
Но в нем и власть, и ключевая нота
Всех песен лживых и абсурдных слов,
Рождающих во мне позывы смеха,
И их исполнят тысячи рабов,
Воистину, великая потеха!
Их ум ничтожен, сер и бестолков.
Чтоб миром безраздельно овладеть,
Я им позволил о свободе петь!

LXV

О, как легко обманутым остаться
Тому, кто сам желает заблуждаться,
И, слепо, сам возводит на престол
Решительного, смелого злодея.
Чем лживей и абсурдней ореол
Красивой, но убийственной идеи,
Которую в ранг Истины возвёл
Лукавый, изворотливый мудрец,
Тем глубже Вера! Пламенной Венец!

LXVI

Кто истинного Бога изваяет?
Не тот, кто верует, а тот, кто знает!
Ваять идеи в образах Богов,
Нет камня лучшего, чем мрамор знанья,
А он во власти избранных – Жрецов,
В руках которых – тайны мирозданья,

И между них немало мудрецов,
Из тайн сплетающих святой обман,
К примеру – Библия, Талмуд, Коран...

LXVII

И тьмы глупцов падут, благоговая
Пред сказочной, несбыточной идеей.
Ведь в Небесах, должно быть, мастера
Имеются, кто пыль в глаза пускает?
Глупа идея Рая и стара,
И это все прекрасно понимают!
Небесная безгрешность – лишь игра,
Младым и старым движет только страсть,
Исток её – тщеславие и власть!

LXVIII

Желаний ослепляющее пламя,
Оно и Небо каждого, и Знамя,
Душа не внемлет прозе жития,
Но Рай земной угоден лишь для тела –
Двойной стандарт людского бытия,
Его не грех использовать умело,
И Человеку быть позволил я
Самим собой – ничтожен, жаден, горд...
Не Ангел – Богу, Дьяволу – не Чёрт!»

LXIX

Вся речь его, исполненная яда,
Была для Зелики посланьем ада.
«О, где моя заблудшая душа?» –
Воскликнула она так обречённо,
Так в ужасе застыла, чуть дыша,
Что в возгласе её он, удивлённо,
Услышал страх того, кто век греша,
Прочёл разгадку тайны мрачных врат,
Ведущих в ад, где нет пути назад...

LXX

Сей крик души, невыносимо жуткий,
Моканну растревожил не на шутку,
Он вздрогнул, но приветствовал её
Привычной лестью:»Ты уж здесь? О, Жрица!
Свет Веры! Вдохновение моё!
Кто чистотою и красой сравнится
С тобой? Так пусть кружИтся вороньё,
От прелестей твоих входя в экстаз,
Им не добыть любви твоей алмаз!

LXXI

Кем стал бы я, будь место Жрицы пусто?
Чьей проповеди высшее искусство
Мой Белый стяг к победам бы вело?
Но что за траур? Почему бледна ты?
Куда из глаз сияние ушло?
Вчера глаза горели, как агаты,
Сегодня, вдруг, поникшее чело...
Сиянью Солнца не развеять грусть,
Но я за это с радостью возьмусь.

LXXII

Придам глазам твоим игру брильянта,
В них снова вспыхнет магия таланта,
Как в этом кубке – в нем не сок земли,
В нем плещется сиянье из истока
Высоких сфер, где Ангелы зажгли
Рубины звёзд в топазовых потоках –
Маяк надежды в призрачной дали,
Им, словно песней душу муэдзин,
Мой Гений заполняет сей кувшин.

LXXIII

Испей и обожжешься в капле каждой

Такой нетерпеливой жизни жаждой,
Которая вернёт огонь и свет
Твоим глазам. Ты смущена, я знаю,
Сейчас в твоей груди покоя нет,
Повинен в этом, как я полагаю,
Тот юноша. Помилуй, сколько лет
Прошло? Себя напрасно не тревожь.
Он не Азим, хотя с Азимом схож.

LXXIV

Для битв рождённый, против иноверцев,
Душой он груб, но нет вернее сердца,
Его мечом бесстрашным управлять
Помогут мне любовь и добродетель –
Булат в огне калится, чтобы стать
Острее и звонче всех мечей на свете,
И я намерен тотчас испытать,
Способен ли свирепый янычар
Уйти от искушенья женских чар!?

LXXV

Искусство обольщать – сродни с игрою,
Где, магией сравнимы лишь с Луною,
Сияют блеском сладкой кабалы
Фиалки глаз, прикрытых белым снегом
Миндальных век прекрасной Мирзалы,
А ножки Лейлы, пляшущим разбегом
Приковывают взгляд. А как милы
Ланиты АроИ, как чувствен рот?!
И лютня Зебы лишь к любви зовёт!

LXXVI

О, мой гарем, фонтан очарованья,
В нём скрытый зов, запрет, но обещанье,
Рождая транс, кипение в крови,
В душе тотчас же дверцу открывает

Для Небесами посланной любви,
Из нимф моих одна лишь сочетает
Таланты всех. Попробуй, назови
Чьи чары – стать, рассудок и краса
Сильней? К кому щедрее Небеса?

LXXVII

В чьём взгляде жар лучей очарованья
Как магия в стекле для выжиганья?
Чьи губы так прелестны, что без слов,
Лишь совершенством линий соблазняют?
Чья песня манит, как сирены зов –
Дар божества, что Веру отбирает,
Отдав взамен лишь несколько часов
Слепого созерцанья красоты.
Она одна. И эта нимфа – ты!»

LXXVIII

Она растерянная, бледная стояла,
Прикованная взглядом к покрывалу.
Пронзали ткань ужасные слова,
Как южный ветер заросли керзраха,*
Чья злая, прочумлённая листва –
Источник вечный ужаса и страха.
Они, как мельничные жернова,
Девичьей добродетели росток
Со скрежетом стирали в порошок.

LXXIX

Она внимала молча и, казалось,
Его тирада вовсе не касалась
Её души. Но только он изрёк
Последнюю, убийственную фразу,
Рыданье вырвалось:»Великий Бог!
За что мне эти муки? Лучше б сразу
С душою тело Дьяволу в залог

Я отдала и обратила в прах
Надежду на спасенье в Небесах!

LXXX

Живя в распутстве, рядом с Сатаной,
В позор и срам погрязнув с головою,
С ним грязь и преступленья разделю.
Паду сама, но упасу другого,
Тебя же заклинаю и молю:
Клянись мне всем, что есть в тебе святого,
То – не Азим, которого люблю...
И я не буду понапрасну ждать,
Я даже Чёрта стану обожать!»

LXXXI

«Слова твои – как гнева метастазы,
Но берегись неосторожной фразы,
Не гоже мне подобное терпеть,
Пусть даже от моей любимой Жрицы,
Тебе в соблазнах лучше преуспеть
И магией любви вооружиться.
Он будет наш. Он попадётся в сеть.
Как сотни воздыхателей других,
Найдуших гибель в пекле чар твоих!

LXXXII

Не хмурься, свет любви, а не печали
Твои глаза, должно быть, излучали,
Когда тепло души (иль то был сон?)
Счастливому любовнику дарила.
Благословен Азим. Но выбрал он
Сто тысяч раз – холодную могилу.
Его уж нет. Забудь и не томись.
Твой долг любить, а не страдать – смирись!»

LXXXIII

«Смириться? Да. Я это заслужила.
Огнём Небесным я не дорожила,
Так пусть меня постигнет месть Небес
А не того, кто мне и мною предан.
Он твёрд. Он верен. Ты же – мракобес,
(Чьё страшное, убийственное кредо –
Обман) в нём не пробудишь интерес.
На чаше Дьявола, где адов яд,
Он никогда не остановит взгляд!

LXXXIV

Он любит и блажен, ведь он не знает,
В ком по сей день души своей не чает,
Не знает, что бывшая Зелика,
Святая, незапятнанная дева,
Так от него сегодня далека,
Достойна не любви его, а гнева,
Как воды вспять понёсшая река,
Безмолвно чёрной силе покорясь,
Кристалльность обратила в ил и грязь.

LXXXV

Что ж, радуйся, моё навеки имя
Легло клеймом, стараньями твоими,
Оно страшнее адова огня,
Но ад – ничто, пока Азим не знает
Про мой позор. Он думает – меня
Не изменить, любовь моя не тает...
Но это истинно! Так думаю и я!
Оставь мечту Азима подчинить.
Он твёрд. Он горд. Его не надломить!

LXXXVI

Я пролечу сквозь мрак, не видя света,
В проклятом царстве, там, где нет ответа
Заблудшим душам на немой вопрос:

Как имя им? Пришли они откуда?
Кто им страданья адовы принёс?
Спасенья нет, надежды нет на чудо!
О! Дьявол, это твой апофеоз...
Что ж, веселись, меня ты победил,
И душу сжег, и тело отравил!»

LXXXVII

«Сдержись, безумная, ведь понимаешь,
Чей гнев ты дерзким словом искушаешь?!
И половиной дерзости твоей
Не обладает крошечная птица,
Которая, как меж густых ветвей,
У крокодила меж клыков резвится!
Отдай гарему жар своих речей,
Где ты, моя невеста, только лишь
Любви и Господу принадлежишь.

LXXXVIII

Святая? Грешница? Наполовину.
Подобие надгробия Меддины –
Меж Адом и Эдемом твой полёт,
Но он подобен бегу серой мыши,
Который взглядом кобра пресечет,
Чьей жертве не найти укромной ниши,
И в пасть сама, стеная, поползёт.
Вот так и ты – рыдая и кляня,
Ни шагу прочь не ступишь от меня!

LXXXIX

И быть тебе невестою Моканны
Пока горят рассветы Хорасана,
Но в час венчанья буйно воспарят
Смертельной сладостью пустые склепы,
Восстанет мертвецов прелестный ряд,
Торжественно и, вместе с тем, нелепо

Перстом костлявым нас благословят,
И чашу, что заменит страшный суд,
К губам твоим порочным поднесут.

XC

Ту самую, что ты в порыве жажды
Глотком уже измерила однажды.
Мучительный и сладостный глоток
(Проклятый или же благословенный),
Ты повторишь, чтоб даже чёрт не смог
Проклятья цепь разрушить. Несомненно,
В гарем ведёт любая из дорог.
Ступай и сохрани во взгляде даль,
Веселье, дикость, злость... Но не печаль!

ХCI

Однако, стой. Тебе не станет новью
Любовь моя к людскому поголовью,
Так птице Нильской ядовитый ил
По нраву больше, чем иная пища,
Морской собаке мелкой рыбки мил
Приятный вкус, другой она не ищет,
Надеюсь, что тебе достанет сил
Всё верно и резонно рассудить,
И Гений мой достойно оценить.

ХCII

В твоих глазах я вижу отражение
Блаженного ко мне расположения,
О! Да! Какая мощь в твоих глазах!
Тобой не может обладать калека,
Чей жребий – рабский труд и рабский страх,
Так пусть же месть падет на Человека!
Она в моих чудовищных делах,
Которые к своим проклятиям рад
Присовокупить всемогущий Ад!»

XCIII

И, злобой истекающий Моканна,
Вскочил в бессильной ярости с дивана,
Нарушил ритуальный свой обряд,
Рванув руками саван покрывала
И, обнажив пред ней звериный взгляд,
Который, как змеи гремучей жало,
Точил ей в сердце смертоносный яд.
И, приняв этот дьявольский укус,
Упала дева. И лишилась чувств.

* * *

Тем временем, Великий Камергер,
Желая удивить свою принцессу,
Готовил ей к исходу дня сюрприз.
Художников искусных из Янчжоу
Он выслал оборудовать привал,
И вечером, ступив в пределы рощи,
Где манго и акации цвели,
Весь Двор был восхищен и очарован
Фантазией китайских мастеров –
Зеленая цветущая аллея,
Ведущая к пурпурному шатру,
Сияла строгим городским величием,
Изящных арок, башен и дворцов,
Затейливо сплетенных из бамбука.
Свет шелковых китайских фонарей
Сквозь пышную листву по ним струился,
И делал этот сказочный мираж
Едва ли не реальным чудом Света.
Но Лалла Рук была поглощена
Историей любви от Ферамора,
И, торопясь дослушать до конца,
В шатёр свой лёгкой ланью пробежала,
А на сюрприз китайских мастеров
Внимания совсем не обратила.

Сконфуженный Великий Камергер,
Не отставая, пропыхтел за нею,
Как пресловутый старый мандарин,
Возлюбленную дочь оберегая.
(Могла ведь заблудиться и пропасть,
Как та молоденькая китаянка,
Гулявшая у озера одна,
Любуясь его сказочным сияньем).^{*}
Немедленно был вызван Ферамор,
А Фадладдин, пытающий поэта,
Какой же Вере он принадлежит,
Шиит? Сунит? Иль, может быть — язычник?!
Был прерван властным жестом Лаллы Рук.
И Ферамор, усевшись поудобней,
Продолжил свой волнующий рассказ:

* * *

XCIV

Что ж, юноша, в плену своих скитаний
Не ведал ты столь тяжких испытаний.
Они тебе ещё лишь предстоят.
Фаланги македонской частоколы
И греческий огонь — не устоят
Пред тем оружием, грозным и тяжёлым,
Что женские глаза в себе таят.
В них — магия, могущество, коварство
И нет от ран защиты. Нет лекарства.

XCV

Сиянье этих глаз смертельно-сладко
Лукавый их прищур сверкнёт украдкой,
Блеснуть так лишь отточенный клинок,
Небрежно в ножны брошенный способен,
Сей взгляд — любовь, коварство и порок,
Красноречив, но так немногословен,

И только тот, кто холоден и строг,
Достойно красоте воздав поклон,
Не может ею быть порабощён!

* * *

ХСVI

Рассветный луч преград нигде не знает,
Войти в гарем ему – кто помешает?
Он к утреннему таинству призвал,
К высокому искусству облаченья
В шелка одежд, тюрбанов, покрывал,
Так, чтобы скрыть лица румянец тенью,
Чтоб только глаз из недр её сверкал,
Как крюк корсара, цепкий макияж
Берет мужское сердце в abordаж

ХСVII

Плели тюрбаны, словно крылья птицы,
Порхающие руки мастерицы,
И нимфы не теряли время зря –
Для них послушно хинна превращала
Девичьи пальцы – в гроздь янтаря,
Иль в розовые веточки коралла,
Когола колер, чудеса творя,
Дарил глазам красавиц шарм теней,
Достойный лишь избранниц королей.

ХСVIII

Всё в каждом жесте юности сияет,
Звенит, переливается, играет.
Красавиц лики – словно лунный свет
В аллеях засыпающего сада,
Их волосы хранят душистый след
Ночных цветов, их тонкую прохладу...
Но блеск брильянтов, золота, монет

Плоды дерЕв невинности святой
Срывает похотливую рукой.

ХСІХ

Вздохнёт печально дева, вспоминая
Шатёр отца, и аромат элкаи,
Услужливую тень её ветвей...
Воспоминанья путаны и слАбы,
Отчётлив только взгляд из-под бровей
Заезжего богатого араба.
Как сладко и тревожно было ей
Притягивать его палящий взор,
Сплетая танца кружевной узор.

* * *

С

Покой и тишь светящегося зала
Вода, струясь в фонтанах, нарушала,
Ковров персидских бархатистый ворс,
Скрывая звук, рождаемый шагами,
Азима вёл туда, где пряный форс
Огня из урн, что днями и ночами
Курились дымом благовонных лоз,
Пылал как жезлы пери на пути,
Где чистым духам предстоит пройти.

СІ

И здесь, в блистающем огромном зале,
Огни искристо, радужно сияли
Игрой безумной всех семи цветов
В струях фонтана. Дивно преломлялись
В богатых арабесках куполов,
Свежо блестели и переливались
В прозрачности мозаичных полов,
Подобно блеску раковин в волнах

На диких, но прекрасных берегах.

СII

Здесь всё великолепием дышало,
Которое влекло, но угнетало,
Здесь молодость, невинность, красота –
Безмолвные невольницы злодея,
Любовь – золотая цепь, но не чета
Златой цепи любви от Гименея,
В богатстве формы – духа нищета,
Здесь птицам, что не знают высоты,
Крыла подрезали. Для красоты...

СIII

Как горько эти комнатные птицы
Завидовали тем своим сестрицам,
Что щебетали в омуте листвы,
И в поднебесных кронах вили гнёзда,
В которые из холодной синевы
Ночной порой заглядывали звёзды...
В гареме же – бессрочный час Совы,
Взлёт к совершенству недоступен тем,
Кто сонно дремлет, как святой Эдем.

СIV

Одежда воина не сочеталась
С помпезностью дворца. Ему казалось,
Что здесь когда-то встарь и обитал
Тот грешный царь, которого однажды
Пророк немилосердно покарал
За неуёмную к богатствам жажду.*
Но алчный дух живуч – он вновь восстал,
И Человека искушать готов
Наперекор возмездию Богов.

CV

Азим, однако, очень сомневался,
Что путь к свободе духа простирался
В самодовольной роскоши дворцов,
Изнеженных в плену сокровищ бранных,
Он помнил наставления жрецов
Желать сокровищ для себя нетленных,
Лишь самоотречение борцов
У всех племён, в любые времена
Прославило навек их имена.

CVI

К умеренности, к схиме призывала
Богopodobных мудрость аксакалов,
Не роскоши покой её питал,
Священная энергия Свободы!
Не в саване богатых покрывал
Взрастает мирт. Из кладезя природы
Он в свой венок всё лучшее подобрал –
Здоровье, труд и к жизни интерес,
И свет и целомудрие Небес!

CVII

Что время? Бесконечная пустыня...
Что Человек? Песчинка в ней... Гордыня
Влечет его оставить яркий след
На стыке, где слились два океана,
Грядущего и прошлого. Но нет,
Не алчность – путь к бессмертию. Нирваны
И Вечности достоин лишь аскет,
А алчущий, корыстный человек
Останется навеки – имярек.

CVIII

И столь же возмутительным, сколь странным,
Считал он лицемерие Моканны,
Посланец Господа, и Истины пророк –

Делами слов своих не подкрепляет,
Сам, порождая лживость и порок,
Свои же проповеди оскверняет,
Обожествив свой царственный чертог.
Он – раб. И сам не ведает о том!
Но я пойду совсем иным путём.

СІХ

Так, роскошь и богатство отторгая,
Азим тонул в них, сердцем ощущая
Их магии чарующий дурман,
Витающая сладость благовоний,
Поющий колыбельную фонтан,
Искрящийся пред ним в полупоклоне,
Звучал как усыпляющий обман,
Как пчёл индийских предзакатный звон,
Облюбовавших лотоса бутон.

СХ

Души и тела сладкое блаженство
Сознание отвергало. Совершенство
Азим искал и находил в мечтах,
Волной разгладивших морские дали
Любовных грёз. И, словно в зеркалах,
Пока шторма лениво отдыхали,
Свет отражали, тот, что в Небесах
Сиял, как взгляд любимой. Зелики.
В часы их встреч у медленной реки.

СХІ

От искуса греховных колебаний
Он уплывал в волне воспоминаний:
«Любимая, к тебе одной торю
Тропу любви сквозь искушенья ада,
Твою улыбку я боготворю,
Иной себе не требуя награды,

И за неё судьбу благодарю,
Ведь, если в этой жизни смысл и суть,
Оправдан будет самый тяжкий путь!

СХII

Тропой невзгод, Расстаться, чтоб вернуться,
Назло судьбе, спешащей отвернуться,
Явиться в сердце, где я — господин,
Лишь избанным сей жребий уготован,
И этот жребий — мой, ведь я один
Незримо — в нем, жду лишь святого слова,
Чтоб явью стать. Так в древней лампе джинн
Ждёт часа своего и день, и ночь,
Чтоб вмиг восстать и горе превозмочь.

* * *

СХIII

Так размышлял он, сидя у фонтана,
Вдруг, ветерок, дыханием нежданным
Принёс Азиму нежный сонный звук
Мелодии. Он к каждой новой ноте
Прислушивался, напрягая слух,
И тотчас, песнь, явленная во плоти,
В стремительном движении ног и рук,
В изгибах тел, в порхании ресниц
Сошла к нему с круженьем тацовой.

СХIV

Они, как сон, воздушно и игриво,
Послушные мелодии приливу,
Сквозь отблески светильников слепых,
Играя роскошью убранства платьев,
Струились стайкой светлячков ночных,
Дорожкой солнца в волнах на закате.
Был весел и раскован танец их,

Подобен пляске мотыльков в ночи
Над пламенем пылающей свечи.

CXV

Раскованность, пластичность, блеск и глянец,
Движеньем тел и глаз питали танец
Невольниц Повелителя Цветов
Дразнящим шармом, вкусом вожделенья,
И пробуждали в сердце тайный зов
И силу неземного притяженья,
Один лишь жест, лишь взгляд, без лишних слов
Слагали гимн, в божественной тиши
Молитву отправляющей души.

**- самая восточная персидская провинция, территориально расположенная в пределах бывшего СССР.*

**-в Исламе Пророк, один из первых Посланцев Господа.*

**- в Исламе – падший Ангел, то же, что Дьявол.*

**- Пророки Ислама.*

**- считалось, что Аму-Дарья впадает в оба внутренних моря.*

**- употребление вина – тяжкий грех для мусульманина.*

**-Во времена средневековья в криминальных кругах существовало поверье, что успех «чёрного дела» будет обеспечен, если ночной вор работает при свете свечи, изготовленной из сала мертвеца.*

**- Ислам не приемлет графического или скульптурного изображения Бога.*

**-В индуизме широко распространено обожествление вещей (фетишизм): рек (Ганг), растений (лотос) животных (корова, слон, змея, обезьяна).*

**- то же что Дьявол.*

**- кустарник по восточным поверьям являвшийся источником чумы.*

**-существует древнее предание о своенравной девушке любившей в одиночку гулять по берегу ночного озера и растворившейся в лунном сиянии.*

**- Sacdad, создавший восхитительные сады Irim, имитирующие*

Рай, за что был поражен молнией. Poemalar